

историографический обзор. Я думаю, не стоит и говорить, что за последнее время качество историографических разделов в диссертационных исследованиях существенно снизилось, а в некоторых работах он и вовсе отсутствует. Многие авторы в своих трудах лишь перечисляют основных специалистов по теме и их работы, иногда без анализа вклада тех или иных ученых в изучение важных аспектов научных направлений. Именно поэтому хотелось бы обратить особое внимание на этот труд с точки зрения методологии написания историографии и рекомендовать его использовать не только как источник, но и как учебное пособие, помогающее постигать основы историографии. Эта монография подготовлена ведущими специалистами в области отечественной этнологии и поэтому сама по себе представляет важную ценность для начинающих свой исследовательский путь ученых, планирующих заниматься этнологией в дальнейшем. Монография написана сотрудниками Центра европейских и американских исследований ИЭА РАН. Задача книги – показать те направления и школы европейской науки, которые порой оказываются на периферии внимания ученых и мало знакомы научной общественности за пределами изучаемых регионов. Авторы стремились исследовать не ведущие мировые научные школы, а частные сюжеты, которые вместе с тем, позволяют проследить развитие социокультурной антропологии и этнологии на современном этапе в более полном объеме. Книга состоит из 12 очерков, каждый из которых посвящен одному или нескольким аспектам развития науки в разных странах Европы. Выбор регионов и сюжетов в какой-то степени объясняется научными интересами ученых, принявших участие в подготовке предлагаемого читателям научного труда.

Первый историографический очерк посвящен *«Этнологическим исследованиям в Беларуси»*. Авторы Р.А. Григорьева и ее белорусская коллега Ал.В. Верещагина–Гурко проделали большую работу по анализу исследований ученых Беларуси. В целом, глава затрагивает не только фундаментальные труды, удостоенные государственных премий, но и региональные исследования, работы в области семейных отношений, религиозную тематику, культурные аспекты и многие другие проблемы, которые могли бы остаться незамеченными не только любителями, но и специалистами в области этнографии и этнологии Белоруссии.

Во второй главе *«Британская антропология: потенциал традиций»* (В.В. Руднев) подробно анализируется английская школа антропологии. Приводится обзор основных течений в науке этой страны. Автор простым и доступным языком знакомит читателя с исследовательскими проектами Британии. Безусловным достоинством очерка является тот факт, что в нем дается обзор не только современных научных проектов, но и в целом британской антропологии. [Также анализируются плюсы и минусы приверженности традициям, такой опыт, в принципе, может быть использован другими учеными]

В очерке *«Испанская антропология: “второе рождение” и трудности роста»* А.Н. Кожановским рассматривается проблема формирования и становления испанской антропологии. В этой главе анализируются не только основные достижения науки и исследования по направлениям дисциплины социальная антропология, но и рассматривается современное состояние и значимость этой большой отрасли науки для Испании в целом. В частности, автор отмечает, что «едва ли не все наши испанские коллеги, пишущие на эту тему, убеждены, что в силу принадлежности к данной профессии они являются носителями совершенно особого, отличного от практику-

емого другими дисциплинами исследовательского подхода, который дает знание, не улавливаемое иными методами, но в каких-то случаях абсолютно необходимое для понимания подлинной сути явления, события или процесса <...> по их мнению, основная сверхзадача, которая стоит перед антропологией, заключается в том, чтобы стать полезным, прикладным знанием всюду, где ее можно применить, с тем, чтобы “позитивно развернуть” общество» [92–93]. Вместе с тем далее, основываясь на словах испанских коллег, автор рисует весьма печальную картину состояния антропологии в стране. В основном это связано с тем, что сказывается недостаток средств финансирования науки и «дисциплина находится в полной зависимости от расположения власть имущих», а ученые в прямом смысле вынуждены «выклянчивать какие-то крохи, пытаясь убедить в актуальности исследования гендера, миграций и идентичности» [93], что в принципе очень схоже с российской действительностью. Однако, по мнению автора, потенциальные возможности и перспективы науки в Испании весьма обширны, в случае проведения необходимых реформ. Вселяет надежду тот факт, что основные исследовательские проекты все же продолжают, хоть и пишутся в большинстве случаев «в стол» испанской администрации [93].

Следующим очерком в монографии идет «*Антропологическая американистика в Испании: обзор журнала «Revista española de etnología Americana»* (Э.Г. Александренков), где представляется обзор статей журнала «Испанское обозрение американской этнологии». Поскольку подобное исследование по сути является единственным и в отечественной науке подобных обзоров не было, читателю безусловно будет интересно познакомиться с состоянием этой отрасли знания в Испании. Автор детально анализирует «антропологическую американистику Испании» [103], а также последние 10 томов журнала за 2006–2016 гг. Э.Г. Александренков приходит к выводу о том, что происходят незначительные изменения в американистике Испании. Фактически все исследования, по-прежнему касаются лишь аборигенного населения, практически полностью отсутствует изучение современного населения Америки, что является существенным пробелом для этой отрасли науки. Но прочитав, предыдущий очерк становится понятно, с чем это связано.

Обширному анализу подверглась антропология Сицилии. В главе-очерке «*Некоторые направления научных исследований в Сицилии»* О.Д. Фаис представлены основные работы местных авторов, а также особенности, появившиеся в гуманитарной сфере Италии в 90-е годы XX века: «исследовательский сепаратизм” и сужение круга изучаемых вопросов до проблем “местного уровня”» [118]. Исследовательница отмечает наметившийся возврат к описательной этнографии, фольклористике, бытописанию и пр. [123]. О.Д. Фаис пишет: «Необходимо подчеркнуть, что отличающая сицилийцев сильнейшая обращенность к своему прошлому ярко проявляется и в научной сфере, предопределяя характер научного поиска и исследований. Особенность этнологии в Сицилии, заключается в следующем: «новое не прогоняет старое, традиция и инновация сосуществуют, прошлое и настоящее продвигаются вперед на одинаковой скорости бок о бок» [121–122]. Очень увлекательно представлена в главе тема «мафии» [125–131]. Как простому обывателю, имеющему смутное представление о ней, мне было очень интересно познакомиться с опытом борьбы общества с преступным миром. Автор очень ярко и детально представила эту «животрепещущую тему» с т.з. научного ракурса, рассмотрев не только исследования по этой теме, но и осветив процессы и тот путь, которое проделало гражданское обще-

ство Сицилии в борьбе с этим «спрутом» [126]. О.Д. Фаис представила в своем очерке работы, «исследующие именно “невидимые” аспекты этнографии сицилийцев и их жизни, а именно – принятые в обществе стандарты поведения, детерминированные во многом *этническим характером и самосознанием* жителей острова» [147]. Рассмотрены такие аспекты этнологии как изучение лингвистических вопросов, арабистика, традиционные праздники и другие проблемы этнографии, что расширяет кругозор читателя о Сицилии. Интересно и познавательно раскрывается тема «сагр». Как сама автор объясняет, «речь идет о народных локальных торжествах, как правило, приуроченных к религиозному празднику или дню местного патрона – святого покровителя населенного пункта» [155]. О.Д. Фаис объясняет читателю, какую роль играет данный феномен в Италии, а также рассматривает основные исследования, посвященные этому явлению. Данный очерк ярко и глубоко знакомит читателя с научной мыслью Сицилии и Италии в целом, также автор успешно обосновывает выбор сицилийскими учеными именно этих векторов научного поиска.

Глава «*Междисциплинарные исследования польской этнолингвистической школы в Люблине*» посвящена обоснованию важности для развития науки междисциплинарных направлений. Автор М.А. Андрионина на примере этнолингвистики убедительно доказывает это. Этнолингвистика – широкая сфера научной деятельности, которая «существует на стыке дисциплин: этнологии, языковедения, фольклора, этнопсихологии, социолингвистики и пр.» [197]. Автор представляет историю формирования дисциплины, описывает и характеризует московскую школу, и после этого подходит к детальному анализу люблинской школы. При этом исследовательница не просто описывает основные достижения и открытия польских ученых, но и сравнивает работы школ, выделяя их общее и частное. Прочитав этот очерк, читатель найдет ответы на интересующие его вопросы по этнолингвистике. В конце автор приходит к выводу, что «в результате синтеза наук стал возможным новый уровень исследований – воссоздание всего комплекса представлений, стоящих за теми или иными языковыми и культурными фактами, попытка увидеть и изучить картину мира различных человеческих сообществ; понять, как она устроена и почему выглядит именно таким образом, по каким законам функционирует и развивается, как влияет на национальную идентичность» [219].

Очерк «*Три направления в польской этнологии*» (И.Ю. Заринов) охватывает в основном историю польской этнологии/культурной антропологии начала нынешнего века и рассматривает три ее направления: монголоведение, диаспороведение, историография. В первую очередь речь идет о традиционных исследованиях польских этнографов Монголии и Сибири. Как пишет автор, «в них отмечается, что в конце XX – начале XXI вв. в монгольском обществе произошли кардинальные изменения из-за смены социально-экономического и политического устройства самого монгольского государства» [226]. Второе направление посвящено изучению диаспор в различных странах мира, в т.ч. и в таких регионах бывшего Советского Союза, как Прибалтийские страны, Украина и Белоруссия, а также в Сибири и на Дальнем Востоке. Исследование диаспор на территории России пока что серьезных масштабов не приобрело. Вместе с тем, в последнее время набирает обороты новое направление исследований польской диаспоры в Бразилии, которая является одной из самых многочисленных в мире. В конце автор дает общую оценку деятельности польских этнологов: «Оценивая современное состояние польской этнографии/этнологии/культурной антропологии, следует сказать, что учёные этой дис-

циплины продолжают вносить большой вклад в её популяризацию, т.е. распространение среди обывательской среды её знаний и престижа» [239].

Еще одним интересным и не менее содержательным исследованием в рецензируемой монографии является очерк о этнологической науке в Сербии «Приоритеты этнологии и антропологии в Сербии». Его автор М.Ю. Мартынова провела детальный анализ становления и развития этой отрасли знания в стране, начиная с XIX века. Она знакомит читателя с основными достижениями ученых на разных этапах становления этнологии, как науки в стране. Описываются основные периоды развития этнологии и ее трансформации в антропологию [243]. Несомненным плюсом этой работы является то, что автор детально рассмотрела модернизацию исследовательского поля в начале XXI века. Как пишет М.Ю. Мартынова, «произошло появление городской тематики, преодолевается парцеллярное давление в темах исследований». Характер научных работ изменился, он стал более смелым и новаторским. Также автор делает вывод о том, что «научно-исследовательская мысль и проблематика исследований в конце XX века были направлены на сопровождение и толкование процесса трансформации общества, культурных систем и идеологических формаций, на изучение динамики препозиции реальных общественных отношений и их символических интерпретаций, на анализ проблем этнических идентичностей в зонах миграционных процессов, интеграции групп меньшинств и большинства населения» [251]. Важным аспектом анализа в главе стало рассмотрение новых методологических подходов. Автор бегло знакомит читателя с основными методами обновленной «антропологии/этнологии» в Сербии и тем, как они представлены в научных исследованиях. Например с новым методом «объяснения», а также переосмысленным методом полевой работы: «современная антропология в качестве поля рассматривает формы коммуникаций, которые предыдущим поколениям ученых были недоступны» [264] и другими методиками. Безусловно, при прочтении впечатляет количество тем и работ, которые рассмотрены в очерке, ограниченном заданными книгой рамками. В нем представлены практически все аспекты развития сербской этнологии/антропологии. Интересно описана трансформация дисциплины в первое десятилетие 2000-х годов. Например, оказалось, что по сути даже студенты сыграли одну из ключевых ролей в реализации революционных научных идей. М.Ю. Мартынова приводит свидетельства о том, что за последние десятилетия произошла модернизация научной дисциплины и ученые Сербии пересмотрели приоритеты развития этнологического-антропологического науки.

Глава «Этнология в Бретани: проблемы и направления исследований» (М.К. Любарт) посвящена месту и роли в науке одной из старинных этнологических школ Франции – Бретани. «Будучи во многом наукой “региональной”, ориентированной, прежде всего, на изучение культурных особенностей своего региона, бретонская этнология насчитывает уже более двух столетий» [277]. Интересно было узнать, что особенность Бретани, как этнологической школы, заключается еще и в том, что «сохранность архаических форм социальной жизни, самобытность и богатство своеобразной культуры объясняют то обстоятельство, что Бретань буквально с первых шагов формирования французской этнографии/этнологии заняла в ней особое место», ее объект изучения является «“заповедником” народных традиций» [277]. Автор представляет как общие направления науки, которые имели место в истории этнографии Бретани, так и специфические особенности, характерные для этой шко-

лы. Одной из отличительных черт Бретонской школы является «этнографическое музееведение». В настоящее время в Бретани действует целый ряд музеев, как я поняла, по сути, с уникальными этнографическими коллекциями [280]. Также в регионе функционируют так называемые естественные парки – экомузеи, цель которых сохранение наследия, проведение научно-исследовательских работ путем «воссоздания подлинности экспозиций и практик». Основная их отличительная черта – интерактивность. Именно это вызывает оживленный интерес не только у студентов и ученых, но и туристов. Основная задача экомузеев заключается в создании условий «для сохранения национальной самобытности местного населения, возрождения механизма воспроизводства жизненных ценностей и культурных традиций округа» [283]. Таким образом, М.К. Любарт знакомит читателя не только с ведущими научными центрами, но и с опытом, который прошла этнология в Бретани.

Информативным является и материал о хорватской историографии. «*Этнология в Загребском университете (2005–2017 гг.)*», написанный М.М. Керимовой и хорватским ученым Г.П. Шантеком. Авторы на примере одного из ведущих университетов страны проанализировали «проблематику лекционных курсов, методiku и методологию преподавания, обозначили основные направления исследований в Хорватии» [322]. Кроме того, в главе представлена история этнологии в Хорватии, причем обзор сделан обширный и детальный, несмотря на заявленную цель [323–338], что существенно обогащает данный очерк.

Очень детально написана историография шведской этнологии «*Шведская этнология и реалии общественной жизни*». Автор Е.А. Сорокина проделала большую работу по изучению и анализу трудов шведских этнологов. Мы узнаем о том, что предмет исследовательского поля шведской этнологии сформировался из запросов и потребностей жизни общества. Автор пишет, что «основные темы исследований – это, во многом, поиск ответов на вопросы, задачи и проблемы, которые требуют понимания и решения. И такие решения призваны найти (на основе эмпирического материала, исследований, анализа и пр.) ученые-этнологи» [375–376]. Очерк подробно рассматривает основные этапы истории развития шведской этнологии. Автор выделяет следующие периоды: с древнейших времен до конца XIX века, первая половина XX века, вторая половина XX века и современный этап. Автор убедительно аргументирует выбранную периодизацию. По каждому периоду дается представление и характеристика основных направлений, наиболее привлекательных для ученых того времени.

Заключительный очерк посвящен европейской ромистике или научному знанию о цыганах, цыганологии, ромологии: «*Европейская ромистика*». Как сообщает автор Н.Г. Деметер, в начале третьего тысячелетия продолжают исследования в области истории, фольклора, этнографии цыган, проживающих в разных странах Европы. Публикуются специальные номера этнологических и социологических журналов, посвящённых цыганским проблемам. Во многих работах зарубежных авторов много внимания уделяется обзору положения цыган в центральной части Европы, изучению экономического, политического, культурного и правового контекста их существования, а также процесса маргинализации, с которым цыгане сталкиваются практически во всех странах проживания. В научный оборот вводятся материалы по языку, фольклору и культуре цыган, их современной идентичности. Эти исследования, несомненно, имеют и прикладное значение, особенно в случаях принятия зако-